

«Я считаю, что страну убили»

...Я всего лишь наблюдатель, но иногда полезно кому-то, глядящему со стороны, высказать свои суждения. Изнутри не всегда видно все происходящее.

Как я оцениваю сегодняшнее состояние России? Я оцениваю его — говорю об этом с болью в душе, для меня это, может быть, самая страшная трагедия в моей жизни, — я считаю, что страну убили. Просто убили. Я категорически протестую против оценки этой ситуации как некоего естественного процесса, обычно так говорят в западной пропаганде: система себя исчерпала и все такое прочее... Ничего подобного! Было убийство, спланированное сразу после окончания Второй мировой войны. Осуществленное планомерно, педантично. Была разработана стратегия убийства, причем до мельчайших деталей. Это убийство извне, и убийцы нашли сообщников внутри страны, и этими убийцами стали высшие руководители страны, определенные слои интеллектуальной элиты и высших слоев советского общества. Они просто предали интересы своего народа, интересы нашей страны. Я употребляю слово «предательство» не в каком-то моральном смысле, а как точный научный термин.

Произошло беспрецедентное явление в истории человечества. Ничего подобного не было. Представьте себе, что две армии выстроились одна против другой и командующие армией, весь генеральный штаб, все прибежали в стан противника и стали противника учить, как бить свою собственную армию. Вот что произошло с нашей страной. Когда я писал вторую часть книги «Кризис коммунизма», которая сейчас вышла, у меня уже сложилось в сознании это определение, но я, понимая разумом, чувством все же не мог воспринять надвигающуюся беду. Я говорил о кризисе, а уже тогда нужно было говорить о катастрофе, страшной катастрофе в истории человечества. Иногда мне кажется, что я живу в каком-то кошмарном сне.

В каком положении оказалась убитая, растерзанная, изнасилованная, оплеванная, оскорбленная Россия по отношению к прочему человечеству? Я всегда предупреждаю, что я не по-

литик, не сочинитель проектов будущего, я всего лишь исследователь, и не больше. На этом задачи мои кончаются. Я всегда в своих исследованиях руководствовался простым, банальным принципом: истина любой ценой, чего бы мне это ни стоило. Я могу ошибаться, меня можно обвинять в том, что я чего-то не знаю, не изучил какой-то вопрос, но приписывать мне какие-то намерения — это нечестно. У меня единственное намерение: в том океане лжи, которым сейчас опутано человечество, лжи идеологической любыми путями высказать хотя бы крупицу истины.

Поймите, это сделать необычайно трудно. Практически мир не хочет знать правду о России и делает все, чтобы эту правду заглушить, а если не удастся заглушить, то локализовать ее, а если не удастся локализовать, то ее фальсифицировать. Я не знаю в истории такого периода, такой физиологической ненависти к истине, и к истине не вообще, а вполне определенного свойства — истине о положении и судьбе России.

Как будто все сговорились. Представьте себе, где-то в Австралии убили немецкого туриста. Весь мир гудит: ТВ, пресса месяц за месяцем в течение полугода не утихают... В России расстреляли людей на глазах у всего человечества в так называемом Белом доме — и ничего! А если говорят, то оправдывая: это, дескать, было необходимо ради демократии...

Такого лицемерия я не припомню. Это что-то не имеющее себе равного... Я думаю, что борьба за истину есть задача номер один. Довести правду о событиях в России с первого дня, когда началось убийство, до последнего. Я считаю, что события 3—4 октября 1993 года — это последний удар пожом в сердце России.

Теперь оценка объективного положения страны. Я читаю бесчисленное количество публикаций на эту тему. Выдвигаются всякого рода проекты, и характерная черта их состоит в том, что Россию рассматривают изолированно. Берут и смотрят: что возможно, что будет происходить. Когда я высказываю свои суждения, мне говорят: «Да ну, брось ты, не впадай в такой несимизм, было же татаро-монгольское иго, но выжили же. Была Смута в начале XVII века — выстояли. Как трудно было во вре-

мя Великой Отечественной войны, но победили же!» Я на это отвечаю: «Враг был не тот, время было не то!»

У нас нет времени ждать. Мир стал таким, что игнорировать Россию, рассматривать ее как нечто автономное — это значит уходить от главного.

Дело в том, что уже стало складываться или даже сложилось глобальное общество. Глобальный мир существует не как серия автономных регионов, а как единое общество. Единое — не обязательно гармоничное. В семье дерутся, ссорятся, воюют иногда больше, чем с соседями, но это единое общество. Сотни тысяч международных организаций пронизывают планету в самых различных направлениях. Существуют мировые экономические империи, которые запустили щупальца во все уголки планеты, идеологическая сеть, проникающая в душу каждого отдельного человека, информационная и т.д. Это глобальное общество существует, но это не братство равноправных партнеров, как пытаются изобразить западная идеология и пропаганда.

Нет такого братства!

Это глобальное общество уже имеет четкую иерархическую структуру, сетчатую, это очень сложная система, опутывающая все человечество. Мировым гегемоном является Запад, он интегрируется, он уже образует единое целое. Но Запад опять-таки не есть братство равноправных народов. Он имеет свою структуру: США — лидер, рангом ниже — Европейское сообщество, в котором на роль гегемона уже вылезла Германия; уровнем ниже располагаются зависимые страны, скажем, Восточной Европы. Или, скажем, одно дело Франция, Италия, Англия, другое дело — Испания, Португалия... Они тоже неравноправные партнеры, а еще ниже идут зависимые страны, и они зависимы в различной степени... Дальше идут полуколониальные страны, колониальные. Так вот, где спланировано место нашей России в этом глобальном обществе? И куда нас заталкивают и затолкали уже весьма успешно?

Пусть попытаются наши руководители: «Великая держава, великая держава», а сами при этом ползут на коленках. Нет! Мы уже не великая держава! Нас растоптали и затоптали в грязь, на самый нижний уровень этого мирового глобального общества. Это было запланировано с самого начала, это делалось после-

довательно из десятилетия в десятилетие. И честно говоря, я не вижу, как этому насилию можно противостоять.

Не думайте, что мне легко произносить эти слова. Я констатирую фактическое положение вещей, и встает дальше вопрос: каковы возможности у России выбраться из этого состояния? На мой взгляд, эти возможности ничтожны, если они вообще существуют. Разрушена государственная система, то, что создается, — это ублюдочная система колониального режима. Разрушена идеология, разрушено моральное и идейное состояние населения, разрушена культура, деморализована молодежь, растлевается следующее поколение... Такого тотального разрушения страны мы еще не знали, даже когда мы разгромили Германию во время Великой Отечественной войны, — ничего подобного не было. Из той войны мы вышли морально укрепленными. А сейчас? Существует ли русская армия? О том, что она будет стрелять в своих, я сказал в одном из интервью в «Правде» накануне расстрела Белого дома.

Я изложил мой в высшей степени пессимистический взгляд на проблему, поставленную в начале дискуссии. Может быть, я стучаю краски. Иногда бывает это полезно — обратить внимание на серьезность положения, чтобы не обманывать людей оптимистическими обещаниями. Я думаю, что с русскими людьми важнее разговаривать сейчас именно так.

У меня же лично позиция такая: мы обречены, и поэтому я, как русский человек, буду драться до конца, пусть я останусь один против шести миллиардов.